

Ирина Серeda

Белорусский государственный университет (Минск)

**КОНЦЕПЦИЯ «МАССОВОГО ОБЩЕСТВА»
В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПРОЗЕ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX – НАЧАЛА XXI В.**

**KONCEPCJA „SPOŁECZEŃSTWA MASOWEGO”
W PROZIE ROSYJSKIEJ I BIAŁORUSKIEJ PROZIE
ROSYJSKOJĘZYCZNEJ KOŃCA XX – POCZĄTKU XXI WIEKU**

Ключевые слова: массовое общество, массовый человек, «сердинный» герой, «маленький человек», русская и русскоязычная проза

Современные русские и белорусские русскоязычные писатели проявляют интерес к проблеме возрастающего влияния тенденций «массового общества» на конкретного индивида и мир в целом. В своих текстах они с художественной позиции исследуют жизнь человека, подвергшегося воздействию со стороны все более «омасовляемого» социума, изучают актуальные общественные тенденции и индивидуальные трансформации, обусловленные социально-политическим переустройством русского мира под воздействием программ и стандартов общества потребления.

Массовизация – обратная сторона процесса демократизации в XX веке, а также один из результатов научно-технического прогресса, создающего похожие условия существования. Поглощенный процессом потребления разнообразных продуктов цивилизации, занимаясь удовлетворением потребностей базового уровня и забыв о своей духовности, человек XX века оказывается мировоззренчески дезориентированным и втянутым в бессознательное принятие доминирующих социальных стандартов в ущерб своей индивидуальности.

Одним из первых о процессе «омасовления» в европейской философии заговорил Фридрих Ницше на исходе XIX столетия, в период

становления массового производства и потребления, назвав представителей нового общества «стадными людьми».

В 20-е годы XX в. немецкий философ-экзистенциалист Мартин Хайдеггер зафиксировал появление типа «обезличенного человека», поглощенного вещным миром (не называя, однако, причин его возникновения), а также сформулировал одну из основополагающих философских категорий, характеризующих человеческое бытие, назвав ее «серединностью». Суть серединности (усредненности) философ обозначил в своей работе *Бытие и время* (1926):

Она экзистенциальная черта людей. (...) Эта серединность, намечая то, что можно и должно смочь, следит за всяким выбивающимся исключением. Всякое превосходство без шума подавляется. Все оригинальное тут же сглаживается как издавна известное. (...) Забота серединности обнажает опять же сущностную тенденцию присутствия, которую мы именуем уравниванием всех бытийных возможностей¹.

Как видно из размышлений философа, стремление быть похожими друг на друга, уравниваться – это естественное природное желание и потребность человека.

Еще в 1880 г. в романе *Братья Карамазовы (Поэма о Великом инквизиторе)* русский писатель Фёдор Достоевский выдвинул идею о том, что человек страдает от свободы и не может быть в ней счастлив. Для обретения того, чего человек ищет (покоя, безмятежности, счастья), ему необходимо быть частью послушного «стада»²: он ищет «пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в беспорный общий и согласный муравейник, ибо потребность всемирного соединения есть третья и последнее мучение людей»³. Поставив в своих произведениях вопросы о свободе и несвободе личности, соотношения свободы выбора и вседозволенности, Ф. Достоевский, безусловно, повлиял на современников, а также в некоторой степени предопределил появление экзистенциализма.

Во многом благодаря размышлениям великих предшественников (в особенности философов-экзистенциалистов) оформилась концепция

¹ М. Хайдеггер, *Бытие и время*, Москва 1997, с. 127.

² Ф. Достоевский, *Братья Карамазовы*, Минск 1980, т. 1, с. 288.

³ Там же, с. 293.

«массового общества» Хосе Ортеги-и-Гассета, аккумулировавшая знания о происходящих антропологических и социокультурных трансформациях. Именно в связи с появлением его труда *Восстание масс* (1929, 1930) в культурфилософский и научный оборот вводятся понятия «средний человек», «человек массы», «человек толпы». Закладывая основы учения о «массовом обществе», испанский философ разделяет социум на две группы: элиту и массу, меньшинство и большинство, которые не столько взаимодействуют на конструктивных началах, сколько противостоят друг другу в XX веке. Согласно Х. Ортеге-и-Гассету, «всякое общество – это динамическое единство двух факторов, меньшинств и массы», где «меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства», а «масса – это средний, заурядный человек»⁴. Мыслителем также подчеркивается, что подобное деление общества – это «деление не на социальные классы, а на типы людей»⁵, то есть в основе существующей классификации – не место в социальной структуре (не социологический критерий), а сущностные философско-психологические характеристики личности. Исходя из этого, доминирующей по отношению к массовому человеку чертой оказывается серединность. И причина всеобщего человеческого усреднения, согласно концепции Х. Ортеги-и-Гассета, кроется в том, что «мы живем в эпоху всеобщей нивелировки», когда «происходит выравнивание богатств, прав, культуры, классов, полов»⁶. И человеку ничего не остается, как подчиниться общемировой тенденции и стать зеркалом эпохи.

Апогеем размышлений о процессе массовизации и нивелирования человеческой индивидуальности становится, на наш взгляд, концепция «одномерного человека», предложенная в одноименной книге Герберта Маркузе в 1964 г. Глубоко убежденный в том, что именно общественная система породила ущербное сознание однотипных современников, руководствующихся одинаковыми желаниями и не способных критически мыслить, автор выявляет рождение «особого типа легко манипулируемой личности, духовные запросы которой не простираются далее очерченного массовой культурой круга ценностей, идей, идеалов»⁷ – раба собственных материальных потребностей.

⁴ Х. Ортега-и-Гассет, *Восстание масс*, [online], http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass/read_1/, [16.04.2017].

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Р. Аль-Хуссаини, *Концептуализация социально-философских моделей человека в XX в.*,

Следует отметить, что идеи европейских мыслителей о процессе омассовления активно развивали ключевые фигуры русской культуры второй половины XX – начала XXI вв. Так, угрозу в демократизации увидел Иосиф Бродский, отметив стандартность, похожесть бытовых деталей и атрибутов комфортной жизни в разных странах независимо от национальных и культурных различий между людьми, и поднял вопрос о возможности стандартизации человека подобно вещам, которыми тот пользуется. Андрей Битов в романе *Пушкинский дом* (1964-1971; нов. ред. – 1978, 1990) в качестве основной причины исчезновения русской интеллигенции назвал процесс «омассовления» советского общества. Виктор Пелевин окрестил современность свободной эпохой «великого блуда», обозначив необходимость сохранения этических норм для дальнейшего полноценного развития мирового сообщества.

Интересным образом преломились концепции Х. Ортеги-и-Гассета и Г. Маркузе в романе Анатолия Кима *Белка* (1984), где автор предлагает своеобразную классификацию людей, разделяя их на «подлинных» и «плоских». Несмотря на присущую тексту сказочную направленность, человеческие образы вырисованы реалистично и убедительно. Согласно авторской концепции, «подлинные» люди – это «совершенные, разумные, способные на высокие поступки представители человечества, которым суждено высокое предназначение духовного объединения, слияния»⁸. Им свойственно доверие «и к другому», «и к самому себе, и к Господу Богу, создавшему этот мир», «они ведут себя словно бессмертные, хотя имели достаточно примеров того, что вполне смертны»⁹. «Подлинным» противостоят «плоские» люди, основополагающим свойством которых является, по мнению А. Кима, пустота души: они «безучастны и к боли, и к радости других»¹⁰. Ещё в 1970 году Жан Бодрийяр, подвергнув критике современный социум, утверждал, что «общество потребления» – это общество самообмана, где невозможны ни подлинные чувства, ни подлинная культура»¹¹. Таким «плоским», «двухмерным, как иллюстрация

«Теория и практика общественного развития» 2011, № 4, с. 31.

⁸ Г. Нефагина, *После рождения и смерти (мифологическое и экзистенциальное в романах А. Кима)*, [в:] Г. Нефагина, *Штрихи и пунктиры русской литературы XX века*, Минск 2008, с. 50.

⁹ А. Ким, *Белка*, Москва 2001, с. 79.

¹⁰ Г. Нефагина, *После рождения ...*, с. 50.

¹¹ *Новейший философский словарь. Постмодернизм*, гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов, Минск 2007, с. 816.

в журнале» (в отличие от трехмерных «подлинных»), человек оказывается в результате пребывания под каким-то вероятно очень тяжелым «прессом»¹², с которым он без духовной силы справиться не в состоянии. Видимо, сказывается давление идеологии потребления и стандартов «массового общества».

Более подробно остановимся на том, как реализуется концепция «массового общества» в русской и русскоязычной белорусской прозе последней трети XX – начала XXI в., а именно в произведениях трех ведущих прозаиков – Владимира Маканина, Анатолия Королёва и Анатолия Андреева.

В произведениях представителей московской ветви русской «городской прозы» Владимира Маканина и Анатолия Королёва также находит художественный отклик социально-философская концепция «массового общества».

Увлеченность В. Маканина идеями философии экзистенциализма, и в частности М. Хайдеггера, давно замечена российскими и зарубежными исследователями¹³. А литературовед Байрон Линдсей¹⁴, предлагая свою художественно-философскую интерпретацию повестей *Голоса* (1982) и *Утрапа* (1987), базируется на представлении о том, что В. Маканин в экзистенциальных поисках следует традициям М. Хайдеггера.

Однако ключевую роль в формировании маканинской концепции «усреднения» сыграли идеи испанского философа, социолога и культуролога Х. Ортеги-и-Гассета, открытый диалог с которым обнаруживается в эссеистике В. Маканина начала 1990-х гг. (*Сюжет усреднения*, 1992 и *Квази*, 1993), представляющей собой авторские комментарии к собственным произведениям и способствующей уяснению авторской концепции «усреднения». В целом В. Маканин очень высоко оценивает вклад Х. Ортеги-и-Гассета в отстаивание интересов мыслящего меньшинства: «Бой за свободу личности от людской массы не может не впечатлять. Отвага Ортеги – отвага противостояния культуры

¹² А. Ким, *Белка...*, с. 26.

¹³ Наталья Иванова, Владимир Агеносов, Андрей Немзер, Норман Шнейдман; Наумом Лейдерманом и Марком Липовецким разработана проблема формирования экзистенциального мифа В. Маканина.

¹⁴ B. Lindsey, *The Arts of Listening and Digging: Myth, Memory, and Retrieval of Meaning in "Voices" and "The Loss"*, [в:] *Routes of Passage: Essays on the Fiction of Vladimir Makanin*. Ed. by B. Lindsey and T. Spektor, Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2007, с. 63-80.

пришедшему на площадь многоликому рабу, то бишь людской массе, бескомпромиссна и благородна»¹⁵. Отсюда вытекает и признание о прямом наследовании им идей испанского мыслителя.

Таким образом, в русле движения европейской философской мысли исследует проблему омащовления писатель В. Маканин, прослеживая развитие «сюжета усреднения» в русском культурно-историческом пространстве. Концептуальным итогом размышлений становится своеобразная типология индивидов, предложенная прозаиком в эссе *Сюжет усреднения*. Согласно теории всеобщего «усреднения» В. Маканин выделяет три вида людей: срединный, интеллигент и убогий. При этом, по мнению прозаика, явное преимущество, ввиду современных социальных процессов, оказывается у первого:

Срединные подавляли. Обеими руками. Одной рукой давили интеллигентов, другой рукой – убогих людей, гоня прочь и иронию, и жалость. (Запрещая духу нищенствовать и в той, и в другой – в любой форме.) Интеллигенты и попрошайки на улицах – последние разновидности хоть как-то отличавшихся людей¹⁶.

Господство заурядности как тенденция прослеживается автором и в эссе *Квази (Почти религия)*, когда толпа возглашает: «Ваше время на исходе, господа сочинители и господа мыслители, – сумерки, ночь. А вот мы, массы, только начинаем. (Если надо, мы прихватим и ваши идеи.) И весь XX век – это наше утро...»¹⁷. Таким образом, в меньшинстве оказываются интеллигенты и убогие, что, однако, не полностью соотносится с классификацией индивидов, предложенной Х. Ортегой-и-Гассетом. Несмотря на указанные расхождения, маканинская классификация индивидуумов, предложенная в *Сюжете усреднения*, в полной мере соотносится с типологией персонажей, представленной в художественных текстах прозаика¹⁸.

¹⁵ В. Маканин, *Квази*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 1997, с. 426.

¹⁶ В. С. Маканин, *Сюжет усреднения*, [в:] В. Маканин, *Собрание сочинений*, Москва 2002, т. 3, с. 154.

¹⁷ В. Маканин, *Квази...*, с. 428.

¹⁸ На основе особенностей взаимоотношений человека и социума, включая воздействие на личность тенденций социально-экономической и культурной жизни, а также новой аксиологии, в прозе В. Маканина можно выделить три типа героев: «срединный», маргинальный и «подлинный», каждый из которых в свою очередь реализуется в нескольких модификациях.

Наиболее подробно разрабатывает В. Маканин тип «серединного» героя (Лев Аннинский), который становится доминирующим в его творчестве. Генетически данный тип восходит к традиционному литературному типу «маленького человека», который в произведениях XIX в. изображался с состраданием и сочувствием, а в настоящее время дается гораздо более критично, воспринимаясь, прежде всего, как массовый человек. Учитывая приверженность В. Маканина идеям Х. Ортеги-и-Гассета, «серединность» рассматривается нами именно как синоним «массовости». По мнению некоторых исследователей, писатель открывает своим творчеством «новую норму» – «стереотипизированного горожанина»¹⁹, и пишет «энциклопедию посредственности»²⁰.

«Серединность» преобладающего у В. Маканина типа героя (в разных его модификациях) – один из синонимов «массовости», имеющий индивидуальное авторское наполнение. Это «человек посредственный, человек середины – нравственной, эмоциональной, интеллектуальной»²¹. Как правило, такой персонаж взаимодействует с социумом по модели конформизма (приспособленчества, или «функционирования»), занимает пассивную позицию, принимая существующий порядок вещей, и подчиняется обществу, добровольно теряя себя и усваивая социально приемлемый тип (шаблон) личности, расплывая свое «я» в мире подобных, превращаясь в неиндивидуализированную единицу общественной системы.

Главное качество такого персонажа – умение «изменяться, мимикрировать, подлаживаясь под меняющиеся законы жизни, и тем самым всегда оставаться в середине, быть как все, даже в тяжелые времена»²²: его «я» как бы «разлито» в мире. И в результате «обкатывается, вырабатывается подобранный, находчивый, хладнокровный, крепкий человек. Никакого прекраснодушия»²³. По сути В. Маканин зафиксировал, как «острая потребность в собственном самоопределении заглушается в современном человеке страстным желанием комфорта, ведущим к

¹⁹ С. Ю. Мотыгин, *Прямая линия? Эволюция прозы В. С. Маканина*, Астрахань 2001, с. 35.

²⁰ М. Левина-Паркер, *Смерть героя: О последних произведениях В. Маканина*, «Вопросы литературы» 1995, № 5, с. 66.

²¹ Там же, с. 64.

²² Е. А. Кравченко, *Художественный мир В.С. Маканина: концепции и интерпретации*, Москва 2006, с. 75.

²³ Л. Аннинский, *Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «серединного человека»*, [в:] В. Маканин, *Избранное*, Москва 1987, с. 8.

идеологической, духовной несвободе, к растворенности в коллективе, массе»²⁴.

Варианты эстетической реализации данного типа разнообразны. Это и «антилидер» Толик Куренков (*Антилидер*, 1980), который неудержимо бунтует против любого выбивающегося из компании индивида, не вынося его превосходства над собой, отчего и страдает физическим недугом, вызванным привычным желанием всеобщей уравниловки, «усредненности». По мнению исследователя Н. Ивановой, перед нами «повествование о феномене личности, испытывающей ненависть ко всему, что выделяется из ряда»²⁵. Фигура Толи не является случайной, это тот тип маканинского современника, в котором господствует иррациональное, бессознательное стремление «усреднять». Финальные отчуждение и одиночество героя можно интерпретировать как возможность спасения от стремления усреднять, что могло бы приблизить его к маргинальным персонажам, однако все же не делает таковым ввиду прочно закрепившегося внутри него желания видеть всех равными, которое в итоге приводит персонажа к трагическому исходу.

Маканинский «человек свиты» Митя Родионцев (одноименный рассказ 1982 г.) также «человек без особых амбиций», «герой с четко обозначенным пределом возможностей»²⁶. Это мелкий служащий, переживающий безмерную трагедию, потерю смысла всей жизни в тот момент, когда его отставляют от свиты директора, что воспринимается героем как потеря «места под солнцем», поскольку его нравственное рабство и прислуживание добровольны.

Из произведений постсоветского периода интересна в данном контексте повесть *Удавшийся рассказ о любви* (2000), где представлен образ «деградировавшего интеллигента», писателя Тартасова. В. Маканин изображает человека, в прошлом претендовавшего на интеллигентность, но со временем утратившего высокие морально-нравственные качества, таланты и дарования, умения и навыки, под влиянием приоритетов общества потребления сделавшего шаг (и не один) назад в своем

²⁴ С. Имхелова, *Проблема самоидентификации человека и ее осмысление в русской прозе второй половины XX века*, «Вестник Томского государственного педагогического университета» 2000, вып. 6, с. 53.

²⁵ Н. Иванова, *Случай Маканина*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный...*, с. 9.

²⁶ Л. Вальбрит, *Шукин и Маканин*, [в:] «...Горький, мучительный талант»: *Материалы V Всероссийской юбилейной научной конференции*, отв. ред. О. Г. Левашова, Барнаул 2000, с. 261.

интеллектуальном, духовном, нравственном развитии. В. Маканин показывает, что поведение того, кто ранее считал себя писателем, в постсоветское время при отсутствии таланта может обернуться своей стыдной и жалкой стороной. И в нем, бывшем представителе высокодуховной сферы, «поселяются» продажность и интриганство. Герой находит свое место в обновленном социуме, а В. Маканин предлагает нам пример социальной мимикрии, которая в случае с Тартасовым оборачивается аморальностью и деградацией.

В реалистической прозе А. Королёва 1980-х²⁷ можно обнаружить множество переключек с произведениями В. Маканина с точки зрения проблемы взаимоотношений героя и «омассовляемого» социума. Как у В. Маканина, доминирующий герой произведений А. Королёва – обыватель, массовый, «серединный человек», образ которого также берет начало в традиционном для русской традиции литературном типе.

Классический образ «маленького человека» представлен в рассказе А. Королёва *Чеховский сюжет*. С первых строк становится очевидно, что инженер-технолог Чернышев – неудачник, который, однако, таковым себя не считает. Ситуация меняется после конфликта с начальником и приятелем Александром, в результате чего появляются в тексте самохарактеристики «я – ничтожество»²⁸, «я – раб»²⁹. А. Королёв следует чеховской традиции именно потому, что Антон Чехов не выражает сострадания к «маленькому человеку», но показывает действительную малость его души, утверждая, что в человеческих несчастьях виновата не только социальная система, но и сам человек. У А. Королёва, как и у В. Маканина, «маленький человек» трансформируется в массового, «серединного человека», который не «хороший» и не «плохой»: он может быть всяким; но «маленький» он также по собственной вине – таков его «потолок». Не случайно в рассказе А. Королёва звучит мысль о том, что высший смысл жизни героя в его внутреннем комфорте.

И «маленькость» (малость) из социальной характеристики переходит в характеристику внутреннего мира, истинной человеческой сущности (что констатировали и М. Хайдеггер, и Х. Ортега-и-Гассет): герой

²⁷ Книга *Ожог линзы* (1988), которая объединила под одной обложкой написанные в 1980-е гг. повесть *Ожог линзы*, роман *Вечная зелень*, рассказы *Французская борьба – искусство лжи*, *Чеховский сюжет* и др.

²⁸ А. Королёв, *Ожог линзы*, Москва 1988, с. 137.

²⁹ Там же, с. 143.

занимает более высокую позицию в социальной иерархии, теперь – среднюю, но малой остается душа, запросы, интеллектуальные и нравственные потребности. В связи с этим можно именовать такого персонажа «серединный / маленький» или «маленький / серединный» (в данном случае понятия эквивалентны).

В романе А. Королёва *Вечная зелень* концепция героя-обывателя, «серединного / маленького человека» рассматривается на примере сразу нескольких образов героев – Фаи Краснодаровой, Марины Копылковой, Жоры Струкова, Музы Гуровой и др., которые, однако, наделены общими чертами: лживость (включая самообман) и притворство (каждый носит маску и придумывает новую биографию, выдавая себя за другого), невключенность в бытие, плавание по течению жизни, неосознанность (воспринимаемая Фаей, например, как спасение от реальности трудной жизни: «все спасение в том, чтобы не сознавать себя вообще»³⁰) и машинальность в проживании жизни, неприятие самих себя.

Так, пожарник Борис, а на самом деле – «кабинетный пожарник, канцелярская крыса», в лучших традициях русской классики называет себя ветошью, должностью, а не человеком, чем подчеркивается автоматизм существования и пустота героя. С образом Илюши Лырчикова связаны мотивы футлярности и пустой жизни: никак не может найти себя, живет «в оболочке» (его фотообитатель автор называет пеналом), наблюдая за миром из-за стекла или объектива фотокамеры (он фотограф; какая точная профессия-метафора!), он живой покойник (Марина «поцеловала его в лоб, как покойника»), который открывается живой жизни лишь в пограничной ситуации испуга (когда Марина устраивает в квартире погром и режет руку), однако так и остается «ничтожеством».

Присутствуют в романе и авторские рассуждения о «маленьком человеке», который все же отличается от обывателя, преимущественно с точки зрения самоидентификации, самооценивания: маленький «унижен и тяготеет собственной участью», обыватель, «хотя и унижен, но предпочитает не знать об этом и уж совсем далек от того, чтобы тяготиться чем бы то ни было»³¹. Персонажи А. Королёва – это «фигуры», похожие с эпохой «как две капли воды»³², и уже только поэтому, иронизирует автор, не являющиеся маленькими (верно, не маленькими

³⁰ Там же, с. 244.

³¹ Там же, с. 315.

³² Там же, с. 315.

они оказываются, а серединными / маленькими). Данные размышления, как и весь роман, пропитан иронией, а автор в сатирическом ключе «раскрывает бездуховный мир современных конформистов-обывателей, растерявших в погоне за жизненными благами свои идеалы, свое человеческое достоинство»³³, что в полной мере отражает воздействие процесса массовизации на индивида.

Таким образом, А. Королёв и В. Маканин предлагают в качестве доминирующей социальной тенденции концепцию героя-обывателя, «серединного / маленького», массового человека, при этом образы героев рассматриваются под философским углом, в авторских размышлениях звучат идеи предшественников-экзистенциалистов. Хоть А. Королёв и полемизирует с Ф. Достоевским в рассказе *Французская борьба – искусство лжи*, концептуально прозаик в созданных образах героев, как и его современник В. Маканин, все же подтверждает высказывание Ф. Достоевского о человеке как части «стада», прозвучавшее в романе *Братья Карамазовы*.

В современной русскоязычной литературе Беларуси, в прозе представителя «минской школы» Анатолия Андреева, также нашли отражение авторские размышления о «массовом обществе», однако в другом векторе. Если у В. Маканина и А. Королёва в центре массовый человек, то доминанта художественного мира А. Андреева – представитель элиты, воплощенный в типе «умного человека»³⁴, или «нового лишнего человека», генетически восходящего к классическому литературному типу «лишнего человека».

В центре произведений «минского цикла»³⁵ А. Андреева – герой, обладающий незаурядным умом, способный самостоятельно мыслить и познавать окружающий мир посредством разума (где разум – это интеллект плюс душа), и привлекательность такого героя именно «в

³³ Там же, с. 368.

³⁴ И. С. Скоропанова, *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева*, [в:] *Русскоязычная литература Беларуси*, отв. ред. С. Я. Гончарова-Грабовская, Минск 2010, с. 39.

³⁵ Под «минским циклом» понимаются романы, повести, рассказы А. Андреева, созданные в период с 2001 по 2013 гг. Он включает в себя двенадцать романов (*Легкий мужской роман, Для кого восходит Солнце?, Халатов и Лилька, Мы все горим синим пламенем, Маргинал, Всего лишь зеркало..., Серединная территория, Игра в игру, Отчуждение, Гармония – мое второе имя, Девять, Авто, био, граф и Я*), книгу повестей *Вселенная не место для печали*, книгу рассказов *За буйки*.

масштабности его духовно-личностного наполнения»³⁶. В его образе воплощена авторская философия элитаризма (Ольга Таланцева), реализуемая на уровне персонажа в идее персонцентризма, предполагающей развитие по персонцентрическому вектору, то есть движение от человека к личности. Фактически философские и художественные разработки прозаика, литературоведа и культуролога А. Андреева созвучны представлениям испанского мыслителя Х. Ортеги-и-Гассета, в концепции которого элита, «меньшинства – это личности (...) особого, специального достоинства»³⁷. Согласно размышлениям прозаика, не всякий человек способен стать личностью, но тот, кто все-таки претендует на данное перевоплощение, автоматически оказывается втянутым в жёсткое и непримиримое противостояние «герой – социум» («элита – масса»).

Как и в концепции испанского мыслителя, у А. Андреева «умный человек» по уровню духовного развития оказывается на порядок выше других. Будучи интеллектуалом и знатоком человеческих пороков и слабостей, он противопоставляет коллективной морали и скептически, презрительно и с чувством превосходства относится к обывателям, что влечет за собой непонимание и зависть с их стороны, отверженность социумом и маргинальность положения. Такому герою противопоставлено у А. Андреева большинство, «масса», представители которой преимущественно «опарыши», духовное «быдло», «интеллектуальные овцы», питающиеся только «хлебом и зрелищами», страдающие «мозговой недостаточностью» или «раком головного мозга». «Да, я заметил, что культ наслаждений – обратная сторона буржуазного идола, на узком челе которого въедливым петитом выведена жирная татуировка: не думать. Потреблять – не думать – развлекаться. Хлеба и зрелищ. Этот девиз завоевал весь мир. Капитулировало все живое»³⁸ – рассуждает герой романа *Всего лишь зеркало* (2006). Уместным будет вспомнить мнение В. Маканина об уровне развития современников, прозвучавшее в повести *Лаз* (1991): «сейчас в ходу состояние индивидуума на уровне ощущений. Почти зоология»³⁹. В противовес массе потребителей мыслящий герой

³⁶ О. Таланцева, *Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева*, Минск 2012, с. 7.

³⁷ Х. Ортега-и-Гассет, *Восстание масс...*

³⁸ А. Андреев, *Легкий мужской роман*, Минск 2006, с. 236.

³⁹ В. С. Маканин, *Ключарев-роман*, [в:] В. С. Маканин, *Линия судьбы и линия жизни*, Москва 2001, с. 256.

А. Андреева непрерывно и целенаправленно работает над собой, осуществляет «воспитание» своего разума, развитие своей личности, анализируя процесс жизнедеятельности, размышляя на философские и культурологические темы.

Большинство андреевских героев – представители творческой интеллигенции, воплотившие идею содержательной и разумно устроенной жизни («знать, думать, творить и быть свободным»), противоречащей стереотипизированному общественному подходу («тараканьим бегам»), люди, вышедшие за рамки стандартного и общепринятого – заплывшие «за буйки» («(...) Тут-то, за буйками, все по-настоящему и начинается...»⁴⁰) – и в результате оказавшиеся непонятыми, невостребованными и одинокими, то есть в какой-то степени проигравшими. Например, заканчивает трагически художник Оскар Малахов (*Апельсины на асфальте*, 2006), отстаивающий право быть собой, свободно реализовываться в истинном творчестве и любить молодую девушку, будучи женатым. Писатель Ярослав Федорович (*Я*, 2011), выступающий за идею разумной жизни и необходимость ориентации в ней на духовные ценности, теряет сына, представителя «поколения, девизом которого стало “не бери в голову”»⁴¹, с горечью осозная, что тот глуп. Однако некоторым героям прозаик все же дает шанс пойти против всех и получить желаемое. Так, влюбившийся в сестру жены и заплывший таким образом «за буйки» Константин (*За буйки*, 2008) оказывается отвергнутым родителями и дочерью, но взамен таки обретает счастье в любви.

Как видно, на протяжении длительного периода авторское внимание приковано к одной из наиболее актуальных социально-философских теорий XX в. – концепции «массового общества». При этом в прозе В. Маканина и реалистических произведениях А. Королёва вектор художественных поисков направлен в русло исследования представителя массы как доминирующего социально-мировоззренческого типа, а все выделяющиеся из массы оказываются в позиции меньшинства. У А. Андреева же доминантой выступает представитель мыслящей элиты, а противоположный ему тип выписан более обобщенно, но гораздо более критично и жёстко, нежели у русских писателей.

⁴⁰ А. Андреев, *За буйки*, Минск 2013, с. 31.

⁴¹ Там же, с. 351.

Библиография:

1. Lindsey B., *The Arts of Listening and Digging: Myth, Memory, and Retrieval of Meaning in "Voices" and "The Loss"*, [в:] *Routes of Passage: Essays on the Fiction of Vladimir Makanin*. Ed. by B. Lindsey and T. Spektor, Bloomington, Indiana: Slavica Publishers, 2007, с. 63-80.
2. Аль-Хуссаини Р., *Концептуализация социально-философских моделей человека в XX в.*, «Теория и практика общественного развития» 2011, № 4, с. 29-33.
3. Андреев А., *За буйки*, Минск 2013.
4. Андреев А., *Легкий мужской роман*, Минск 2006.
5. Аннинский Л., *Структура лабиринта: Владимир Маканин и литература «срединного человека»*, [в:] В. Маканин, *Избранное*, Москва 1987, с. 3-18.
6. Вальбрит Л., *Шукишин и Маканин*, [в:] «...Горький, мучительный талант»: *Материалы V Всероссийской юбилейной научной конференции*, отв. ред. О. Г. Левашова, Барнаул 2000, с. 253-264.
7. Достоевский Ф., *Братья Карамазовы*, Минск 1980, т. 1.
8. Иванова Н., *Случай Маканина*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 1997, с. 5-16.
9. Имixelова С., *Проблема самоидентификации человека и ее осмысление в русской прозе второй половины XX века*, «Вестник Томского государственного педагогического университета» 2000, вып. 6, с. 51-55.
10. Ким А., *Белка*, Москва 2001.
11. Королев А., *Ожог линзы*, Москва 1988.
12. Кравченкова Е., *Художественный мир В.С. Маканина: концепции и интерпретации*, Москва 2006.
13. Левина-Паркер М., *Смерть героя: О последних произведениях В. Маканина*, «Вопросы литературы» 1995, № 5, с. 63-78.
14. Маканин В., *Квази*, [в:] В. Маканин, *Кавказский пленный*, Москва 1997.
15. Маканин В. С., *Ключарев-роман*, [в:] В. С. Маканин, *Линия судьбы и линия жизни*, Москва 2001.
16. Маканин В. С., *Сюжет усреднения*, [в:] В. С. Маканин, *Собрание сочинений*, Москва 2002, т. 3.
17. Мотыгин С. Ю., *Прямая линия? Эволюция прозы В. С. Маканина*, Астрахань 2001.
18. Нефагина Г., *После рождения и смерти (мифологическое и экзистенциальное в романах А. Кима)*, [в:] Г. Нефагина *Штрихи и пунктиры русской литературы XX века*, Минск 2008.
19. *Новейший философский словарь. Постмодернизм*, гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов, Минск 2007.

20. Ортега-и-Гассет Х., *Восстание масс*, [online], http://modernlib.ru/books/ortegaigasset_hose/vosstanie_mass/read_1/, [16.04.2017].
21. Скоропанова И. С., *Тип «умного человека» в произведениях А. Андреева*, [в:] *Русскоязычная литература Беларуси*, отв. ред. С. Я. Гончарова-Грабовская, Минск 2010, с. 36-42.
22. Таланцева О., *Философия элитаризма в прозе Анатолия Андреева*, Минск 2012.
23. Хайдеггер М., *Бытие и время*, Москва 1997.

THE CONCEPTION OF “MASS SOCIETY” IN RUSSIAN AND BELARUSIAN RUSSIAN-LANGUAGE PROSE OF THE LAST PART OF THE XX AND BEGINNING OF THE XXI CENTURY

Summary

For a long period the author's attention is focused on one of the most relevant socio-philosophical theories of the XX century – the concept of “mass society”. The article examines the philosophical and literary origins of this concept and the peculiarities of its refraction in the Russian and Belarusian Russian-language literature in the last part of the XX and beginning of the XXI century. Philosophers and writers are particularly interested in the problem of the increasing influence of the “mass society” trends on a particular person and the world as a whole. Three leading writers – V. Makanin, A. Korolev and A. Andreev in their texts explore the life of a man who was influenced by the “mass society” philosophy, research modern social trends and individual transformations due to the socio-political restructuring of the Russian-speaking world under the influence of programs and standards of consumer society.

A. Korolev and V. Makanin propose as the dominant the concept of the hero-inhabitant, “medium / small”, mass man, considering it from a philosophical point of view – the ideas of existentialism; all characters who stand out from the mass find themselves in the position of a minority. The dominant of A. Andreev's artistic world is a representative of the elite, the “smart man” or “new superfluous man”, genetically ascending to the classical literary type of “superfluous man”; the opposite type of character is drawn more widely, but much more critically and rigidly in comparison to Russian writers.

Keywords: mass society, mass man, “middle” hero, “small person”, Russian and Russian-language literature